СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВ

Заметки о национальном

Материалы, опубликованные в номере «Логоса», посвященном нации и национализму, настолько разнообразны и содержательны, что полемика (равно как и согласие) с идеями, в них высказанными, грозила бы превратить мой текст в непомерно объемный трактат. Поэтому ограничусь кратким изложением собственной позиции по главным проблемам, затронутым в дискуссии, не отвлекаясь на спор с тем или иным автором.

1. *Соотношение этноса и нации.* Мне представляются двумя крайностями как идея о том, что нации существовали «издревле» (см., например, подобное утверждение в книге Курта Хюбнера «Нация: от забвения к возрождению»), так и радикальное отрицание вообще какой-либо связи между современными нациями и древними или средневековыми этносами (один из участников дискуссии говорит о «кардинальном разрыве» современной нации «со всей предшествующей социокультурной традицией»). Тезис о принципиальной новизне наций Нового времени по отношению к досовременным этносам, на мой взгляд, бесспорен. Но это не значит, что между ними нет ничего общего. *Нация – это форма, которую этнос (природу этноса определить исчерпывающим образом не представляется возможным, но очевидно он образуется на стыке биологического и культурно-исторического начал) приобретает в условиях современного общества, главная ее особенность – выдвижение на первый план проблемы политического и культурного единства.* С одной стороны, нация — социальное образование, с другой — «трансфер этничности» (В.Д. Соловей). Конструктивисты, отрицая этническую природу наций, не могут объяснить, почему для их «изобретения» понадобилась апелляция именно к чувству этнического родства, а не, скажем, к простой социальной солидарности или к экономическим интересам. Значит этническая мобилизация более действенна, чем абстрактно-социальная. Не потому ли, что этничность представляет собой некое онтологическое свойство человеческой природы? Конструктивистская методология в полной мере

работает на африканском, латиноамериканском, отчасти азиатском материале, но вряд ли она вполне адекватна, когда речь идет о больших европейских нациях, в истории которых нет непроходимой стены между досовременным и современным этапами развития. В общем, разговор об «этнических истоках наций» (Э. Смит) должен быть конкретно-историческим и предметным, и ни в коем случае не должен скатываться до уровня, когда поборники конструктивизма дезавуируют доводы своих оппонентов заявлениями, что последние-де — не столько исследователи национализма, сколько его пропагандисты. С тем же успехом можно предположить, что авторы этого «убойного» тезиса — не столько ученые, сколько интеллектуальная обслуга глобалистов. Хорошая получится научная дискуссия!

2. *Объективность существования наций.* Повсеместное распространение в гуманитарных исследованиях идеи о нациях как о «воображаемых сообществах» не может, однако, отменить той трагической серьезности, с которой большинство жителей планеты Земля относятся к своему членству в них. Сам создатель вышеупомянутой теории Бенедикт Андерсон подчеркивал в своей знаменитой книге, что нация — одно из немногих сообществ, способных пробуждать в людях добровольную, бескорыстную жертвенность, вплоть до жертвы самой жизнью. Пусть даже нация как единое целое — идеологическая фикция, но национальное чувство, которому подвержены миллионы представителей самых разных социальных слоев, профессий, возрастных групп никак не может быть названо фиктивным. Ярчайшим, символическим примером живучести, неуничтожимости этого чувства является судьба Сергея Есенина, видимо, искренне хотевшего сделаться советским поэтом, но органически не способного расстаться со своей русскостью, хотя последняя не только не сулила ему никаких дивидендов в царстве победившего интернационализма, а, напротив, гарантировала сплошные неприятности. Чтобы не быть заподозренным в узком провинциализме, приведу европейский пример, тоже из мира изящной словесности. С чем, как с писаной торбой, носится множество сотен страниц Дэниэл Мартин, главный герой одноименного романа Джона Фаулза (и видимо alter ego автора)? Со своей «английскостью», о коей он денно и нощно размышляет, возводя истоки английского национального характера к Робину Гуду (конструктивисты по этому поводу должны снисходительно улыбнуться: мол, писатели, что с них возьмешь...). Пример этот тем более показателен, что издавна бытует культурный стереотип, согласно которому англичане — самодостаточные и самоуверенные прагматики, не склонные к национальной саморефлексии, оставляя последнюю на долю закомплексованных, ушибленных своей тяжелой исторической судьбой немцев, испанцев и разных прочих русских. Если же рассмотреть вопрос в широкой исторической перспективе и принять за прообраз национального чувства чувство этнической солидарности, известного дей-

ствительно «издревле» и присущего не только индейцам и эскимосам, но и гражданам эллинских полисов, то окажется, что стремление быть вместе «со своими» (а это и есть экзистенциальная основа национального чувства) долговечнее и могущественнее даже религиозной веры (во всяком случае, по опросам ВЦИОМа видно, что националистов у нас сегодня больше, чем православных). Притяжение к «своим» и отторжение от «чужих» («Посмотришь на русского человека острым глазком... Посмотрит он на тебя острым глазком... И все понятно. И не надо никаких слов. Вот чего нельзя с *иностранцем*» — В. В. Розанов) и есть питательная почва для этноконфликтов, а вовсе не коварные происки госчиновников и этнологов, как полагает один из участников дискуссии. Национальное чувство по своей силе уступает разве что таким коренным человеческим инстинктам, как голод и любовь, и потому нельзя не задаться вопросом, не связано ли оно с какими-то глубинами нашего естества, и, следовательно, не вполне ли оно *объективно*?

3. *Проблема «гражданской нации»*. Вопрос о соотношении в нации политического и собственно этнического компонентов либеральные ученые в один голос решают в пользу первого. За образец принимается так называемая «французская» (и близкая к ней «англосаксонская») «прогрессивная» модель «гражданской», «политической» нации, противопоставленная «немецкой» (и близкой к ней «восточноевропейской») «реакционной» модели, где нация конституируется на основе этнокультурных факторов (язык, религия, культура, иногда даже «кровь», «раса»). Но при рассмотрении этой схемы в свете исторических фактов, она оказывается обычным идеологическим мифом. Мы видим в основе «гражданских наций» Франции, Англии и даже США совершенно определенное этническое ядро со своей особой культурной моделью, которую вынуждены принимать члены иных этносов, стремящихся интегрироваться в данное сообщество. Ксенофобский национализм якобинцев в исторической литературе не является секретом. Впрочем, французское национальное высокомерие, представление о своей стране и своей культуре как о всемирном эталоне восходят, по крайней мере, ко второй половине XVII века, к эпохе Людовика XIV, «когда сложились представления о дворе Короля-Солнца как образцовом, диктующем культурную и светскую моду всей Европе» (В. А. Мильчина). Политический и культурный мессианизм был присущ всему спектру французского общественного мнения: от социалистов до сторонников реставрации Бурбонов, но особенно пылким пафосом отличались речи либералов. Вот как видел свое Отечество великий писатель-гуманист Виктор Гюго: «Для всего мира Франция — это мысль, ум, гласность, книги, пресса, слово; наконец, это язык... Вена, Берлин, Санкт-Петербург, Лондон суть просто города; Париж — это мозг... В наше время французский ум, французский дух постепенно вселяется в изношенные души прочих наций... следует усвоить: Европе не видать покоя до тех пор,

пока Франция не получит всего, что ей требуется». Я бы лично не рискнул интерпретировать вышеприведенную цитату как выражение самосознания «гражданской нации». Другой вопрос, что французская этничность определялась главным образом культурой, а не «кровью», но это вообще свойственно католическим, «латинским» народам. Зато «кровь» играла немалую роль в национальном самосознании англичан, ибо оно в течение веков отличалось «крайним этноцентризмом» и «расизмом расы господ». Так считает Мануэль Саркисянц, автор вышедшей три года назад в русском переводе книги «Английские корни немецкого фашизма» (СПб.: Академический проект, 2003). Богатейший материал, собранный в ней, красноречиво подтверждает данный вывод. Великий мыслитель, властитель дум всей Европы Томас Карлейль полагал, «что более сильная и лучшая раса (конечно же, «белая» — *С. С.*) должна доминировать», что принадлежность к «природной аристократии... обусловлена цветом кожи». Впрочем, и вполне «белокожих» ирландцев Карлейль также не жаловал: «Разве это не благословение — избежать участи родится кельтом?»; ведь ирландцы — «свиньи в человеческом обличье», а потому хорошо бы выкрасить два миллиона «ленивых ирландских попрошаек» и под видом негров продать в Бразилию. Для известного писателя и англиканского священника, каноника (!) Чарльза Кингсли ирландцы — «толпы человекоподобных шимпанзе». Социалисты (!) Сидней и Беатриса Уэбб признавались, что ненавидят «ирландский народ так же, как и готтентотов». А популярнейший и «прогрессивнейший» Герберт Уэллс в 1904 году полагал, что «единственным разумным и логичным решением в отношении низшей расы является ее уничтожение». В начале 1920-х годов респектабельные английские газеты щедро цитировали «Протоколы сионских мудрецов», а во время Первой мировой войны и вовсе доказывали, что евреи, будучи германскими агентами, «подрывают мощь Британии при помощи проституции и венерических заболеваний». Но гораздо важнее то, что расистские и шовинистические настроения широко и прочно захватывали самую толщу английского народа. «Уже с XVI века нападения на иностранцев... случались в Англии достаточно часто. Инстинктивная ксенофобия, по-видимому, уже на протяжении многих веков являлась эндемической чертой местного городского жителя... Наличие такой ксенофобии в течение очень длительного периода английской истории является бесспорным». Причем «среди английских рабочих враждебное отношение к иностранцам было (и остается) выражено гораздо сильнее, чем среди других слоев общества... от стэффордширского шахтера ожидали, что он бросит кирпич в приезжего за оскорбление, нанесенное тем, что у приезжего чужое лицо»... В 1917 году пять тысяч лондонцев с энтузиазмом приняли участие в самом настоящем еврейском погроме. В контексте же нашей темы важен следующий вывод книги: «... в Англии главным была отнюдь не индивидуальность, а избранная расовая общность имперской Великобритании». Но, наверное, все это «дела давно минув-

ших дней»? К сожалению, нет. В 1986 году в авторитетном научном издании отмечалось, что «согласно достоверным источникам, население Британии в целом придерживалось и придерживается до сих пор — расистских убеждений». «В Англии расизм вездесущ», — гласил набранный крупным шрифтом заголовок одной немецкой газеты в 1994 году. В июле 2001 года Би-Би-Си сообщило, что Британия «среди всех стран Европейского сообщества наиболее враждебно относится к иностранным беженцам, и именно в Британии столь часты случаи насилия над ними». Кстати, расистами по недавнему (2000 г.) опросу в странах — членах Евросоюза признала себя треть европейцев (две другие трети оказались соответственно «немного расистами» и «безусловно, нерасистами»). О приоритете этнического (англосаксонского) фактора в истории США я не буду подробно распространяться, думаю книга С. Хантингтона «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» слишком хорошо известна. Итак, приходится констатировать, что «гражданских наций» в природе не существует, их место обитания — головы либеральных идеологов. Очевидный же упадок этнического самосознания современных народов Запада свидетельствует лишь об опасности их исчезновения и растворения среди народов с гораздо более высоким градусом этничности, но от идеалов «гражданской нации» безмерно далеких.

4. *Национализм как идеология.* Если говорить о хронологии, то в Европе вполне зрелое националистическое видение мира можно найти уже в XVI веке у Макиавелли (не только в «Государе», но и в «Рассуждении о первой декаде Тита Ливия») и у Шекспира (в исторических хрониках, особенно в «Ричарде II»). Но расцвет национализма, конечно же, приходится на XIX век. Один из участников дискуссии справедливо отметил теоретическую бедность национализма. Происходит эта бедность не от скудоумия националистических идеологов, а от специфики национализма как идеологии. Большой и сложный вопрос: *является ли национализм особой идеологией вообще?* Есть серьезные основания считать его служебным идейно-эмоциональным комплексом, который могут использовать в своих целях любые идеологии. Действительно, национализм возникает в лоне либерализма как важнейшее орудие для сокрушения традиционных общественно-политических структур и монархически-имперских режимов. Но уже во второй половине XIX века происходит «национализация» практически всех правящих европейских династий, тогда же национальная идея инкорпорируется в традиционалистскую политическую доктрину. Характерен, в этом смысле, один символический пример. Знаменитая «Германская песнь» («Германия, Германия превыше всего / Превыше всего в мире!») была сочинена в 1841 г. либералом Х. Хофманом фон Фаллерсбленом, гонимым прусскими властями, но уже в конце 1870-х гг. она, по сути, становится неофициальным гимном бисмарковской империи и, прежде всего, ее правоконсервативных кругов. Характерно высказывание Ральфа Дарендорфа: «В имперской

Германии были национал-националисты, как Трейчке, национал-социалисты, как Шмоллер, национал-либералы, как Вебер, и множество версий и оттенков этих позиций, но все группы исповедовали примат национального». В XX веке национализм одинаково декларируется фашистскими режимами и участниками Сопротивления; властвующие марксисты-интернационалисты в СССР, победившие шовинистический гитлеризм, неожиданно бросаются на борьбу с космополитизмом; так или иначе тяготеют к национализму практически все антиколониальные движения в третьем мире и риторика неоколониалиста Буша-младшего... *Национализм – это идеология, в которой высшей ценностью является нация как единое целое, как самодостаточная и суверенная культурно-политическая общность.* Национализм сам по себе не выдвигает какого-то особого, одному ему присущего, проекта общественно-политического устройства, ему волей-неволей приходится «вписываться» в подобные проекты, содержащиеся в традиционализме, либерализме или социализме. С этой точки зрения национализм есть лишь *«субидеология»*, важный, но не единственный, элемент всякой влиятельной идеологии. Но, с другой стороны, обратим внимание на то, что у Дарендорфа в отношении к Генриху фон Трейчке фигурирует странный термин *«национал-националист»*. Как его понимать: как остроумное «словцо» или как обозначение какого-то реально существовавшего мировоззрения? Обратимся к характеристике Трейчке, данной Куртом Хюбнером: «<...> ему в конечном счете было безразлично, в какой форме должно осуществиться это единство (единство Германии,— *С. С.*). Хотя первоначально ему был свойственен либеральный образ мыслей, он бы приветствовал и деспотизм, если бы тот достиг желаемой цели. Поэтому ему не трудно было отказаться от критического отношения к Пруссии в то мгновение, когда выяснилось, что лишь она одна была в состоянии добиться единства нации». В таком виде национализм («национал-национализм»,— радикальный, «интегральный», в терминологии Шарля Морраса) предстает уже как *«суперидеология»*, которая может вместить в себя любой социально-политический проект, лишь бы он способствовал силе и процветанию нации. Кроме того, очевидно, что союз основных «нормальных» идеологий с национализмом не стал симбиозом: традиционалисты всегда не доверяли ему из-за его либеральной генеалогии (скажем, Юлиус Эвола не уставал подчеркивать «регрессивное значение национального мифа»); либералы еще с 1860-х гг. подозревали, говоря словами лорда Актона, что «национализм есть отрицание демократии»; так и не смогли спеться с ним и коммунисты/социалисты (происходившее на наших глазах многолетнее заигрывание КПРФ с национальной идеей закончилось ничем). Очевидно, что национализм способен играть не только пассивную, но и активную роль. Не вписываясь в идеологическую триаду Нового времени, он тем не менее является вполне реальной и самостоятельной силой. В то же время очевидно и то, что партии и движения, идущие под чисто националистическими лозунгами, находятся

в Европе, России, Северной Америке на периферии большой политики, чему есть простое объяснение: людей, думающих о целом всегда меньше тех, кто думает о частном. Сложность положения национализма связана со сложностью субъекта этой идеологии — нации, которая почти никогда зримо не выступает как единое целое.

5. Русская нация и русский национализм. С моей точки зрения, нацией в европейском смысле слова, т. е. культурно-политической общностью, постулирующей в качестве основания своего бытия собственную самоценность, русские никогда не были. «Трансфер этничности» происходил через ценности и структуры традиционного общества — православие, самодержавие и общину (советское общество также являло собой своеобразный вариант традиционного общества, вернее, его переходную стадию на пути к модерну). Современная европейская нация родилась в городах, русские по-настоящему урбанизировались только во второй половине прошлого столетия. Становление наций неразрывно связано с буржуазными революциями: чем 1990-е годы не Великая русская буржуазная революция? А, как мы знаем на примере Франции, ксенофобия неизбежный спутник буржуазных революций. И что особенно важно, подобно аналогичному процессу в Западной Европе, русская нация формируется стихийно, снизу, а не целенаправленно, сверху. Все опросы фиксируют высокую степень националистических настроений у значительной части так называемого российского «среднего класса» и, что особенно важно, среди молодежи. Русская мысль к началу прошлого столетия выработала несколько вариантов национализма: традиционалистский, унаследованный от славянофилов и М. Н. Каткова и ставший идейной основой «черной сотни»; либеральный, основным теоретиком которого был П. Б. Струве; наконец, «национал-националистический», интегральный, с уклоном в биологизаторство, центром которого была газета А. С. Суворина «Новое время», где тон задавал известный публицист М. О. Меньшиков. Но все они потерпели фиаско, ибо работали на опережение, нация находилась еще в зачаточном состоянии. Сегодня же национализм востребован самим временем. Я думаю, это единственная идеология, обладающая хоть каким-то мобилизационным потенциалом. *Вопрос состоит не в том, «за» мы или «против» национализма, вопрос в том, какой национализм мы выбираем.* Национализм «гражданской нации» уже явно провалился, не имея под собой серьезной почвы. Речь, конечно, должна идти о национализме самого большого (80 %), государствообразующего этноса России — русских. Государству и интеллектуалам надо идти к нему навстречу и совместными усилиями «цивилизовывать» его, создавать новый вариант национал-либерализма. Если же русский национализм останется «диким», то это может иметь самые непредсказуемые последствия, вплоть до катастрофических.